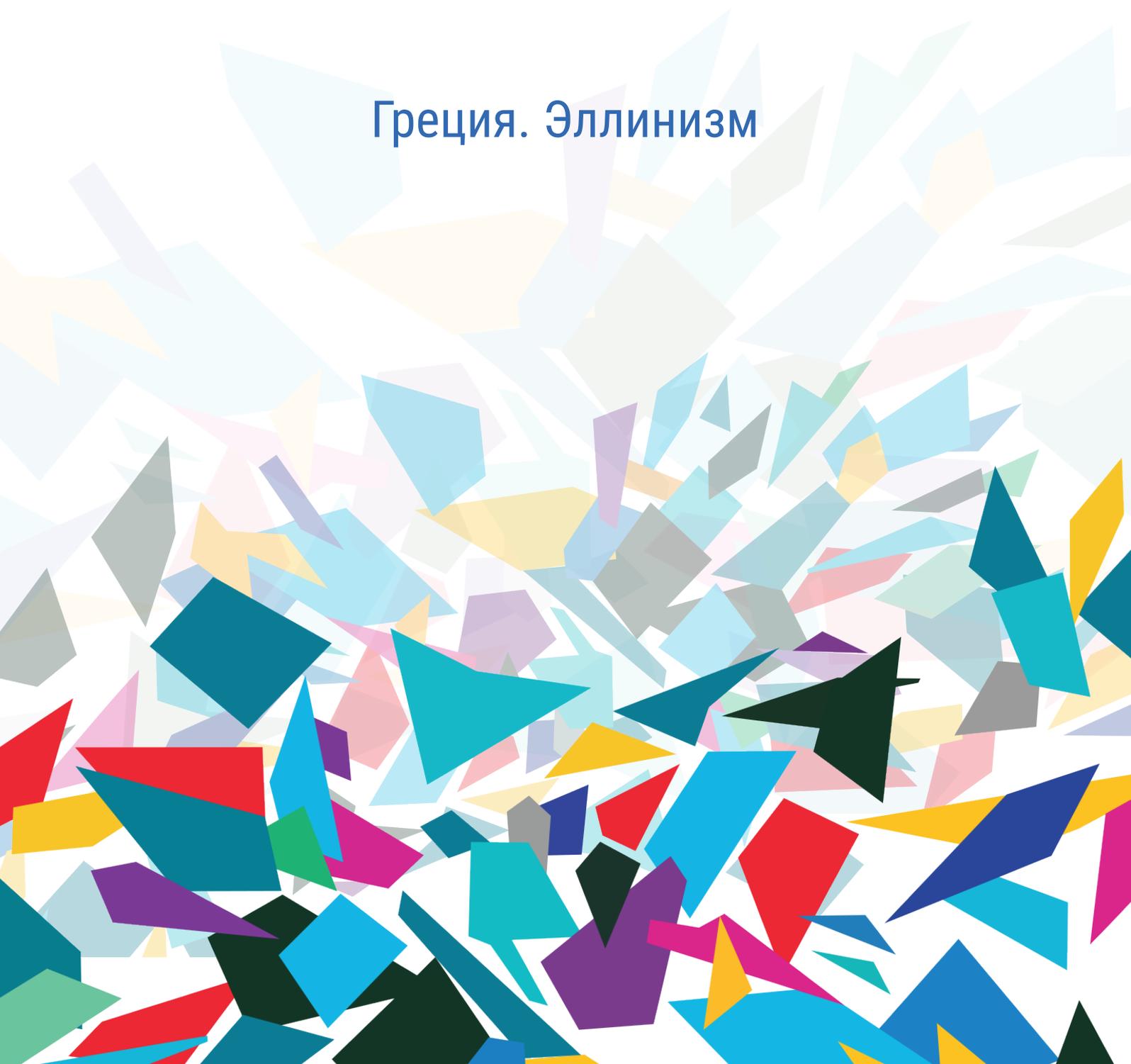

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА

Греция. Эллинизм

Главной фигурой эпохи поздней классики в скульптуре является Пракситель. Вообще, Праксителя называют певцом женской красоты, но в его творчестве встречаются не только женские образы. Но сейчас речь не о ней.

Перед нами скульптура, которая называется «Отдыхающий сатир». Конечно, это копия и реконструкция, это не подлинник. К сожалению, подлинник утрачен. Но даже глядя на эту копию, мы сразу понимаем, насколько эта скульптура не похожа на «Дорифора» Поликлета. Потому что если «Дорифор» Поликлета – это такой герой, не знающий сомнений и страха, герой-победитель, герой-атлет, то здесь, скорее всего, перед нами человек, погруженный в собственный мир, в какую-то меланхолию, отстраненный от внешнего мира. Скорее, это не воин и не атлет, а поэт. И лирическая направленность этой скульптуры сразу бросается нам в глаза. Сатир так выглядеть не может. Сатир, как мы с вами знаем, козлоногий, он не может быть таким прекрасным, таким гармоничным, каким его изображает Пракситель. О том, что это Сатир, мы можем догадаться только по кисточкам на ушах, которые ловко спрятаны в кудрях этой скульптуры. И все это Пракситель делает сознательно, он хочет нам рассказать о другом, он хочет явить нам образ нового героя. Не того героя, который победил персов, а другого героя.

Что случается в конце 5, начале 4 века до нашей эры в Греции? В Греции начинаются внутренние Пелопоннесские войны. Они начинаются между Спартой и Афинами, потом подключается Олимпия. Дело в том, что каждый греческий полис претендует на лидерство, и в результате возникает эта внутренняя греческая война. И она как раз разрушает этот эллинистический мир. В отличие от борьбы с внешним врагом, которая сплачивает нацию, консолидирует ее, внутренние войны всегда губительны, потому что в них нет победителей. Поэтому вот так меняется образ героя. Этот вздыхающий сатир – это образ поэта, музыканта, лирика.

Самая известная скульптура Праксителя – это все-таки не «Сатир» и не «Гермес с Дионисом». Хотя это тоже работы удивительной сложности. Но все-таки самая известная его работа – это «Афродита Книдская». Когда я в первый раз показываю ее студентам, я всегда очень волнуюсь, я хочу, чтобы она им понравилась. Потому что мы все-таки смотрим на копию, мы смотрим на отблеск отблеска. Подлинник скульптуры тоже не сохранился. Копии «Афродиты Книдской» находятся во многих музеях мира, в том числе в Музее имени Пушкина в Москве и Лувре. Это была легендарная скульптура, после которой был создан целый ряд других шедевров. Например, «Венера Милосская» эпохи эллинизма, авторство которой не установлено. Это, конечно, отголосок этой «Афродиты Книдской». Но если «Венера Милосская» больше женщина, то «Афродита Книдская» больше богиня.

Давайте посмотрим на историю создания этой скульптуры. Во-первых, надо сказать, что это первая обнаженная скульптура в греческом искусстве. Пракситель изображает не просто обнаженную женщину, но сразу богиню. Сразу же появляются сатирические строчки от имени Афродиты: «Горе мне, где же нагой видел Пракситель меня?». Пракситель изображает нам Афродиту, которая выходит из моря и как бы тянется за покрывалом. Мы сейчас не видим на репродукции этот ее изгиб, но на самом деле она не стоит прямо, она слегка наклонена, она пространственная. Это скульптура, в которой все настолько соразмерно, что ты сразу понимаешь, что перед тобой идеал. История создания этой скульптуры следующая. К Праксителю обратились жители острова Кос, чтобы заказать ему скульптуру Афродиты. И он как настоящий художник сделал два варианта – одну одетую Афродиту, а вторую раздетую. Обнаженная скульптура была новаторством для того времени, и заказчики не приняли ее. Позже эту скульптуру купили жители острова Книд. Поэтому она и называется «Афродита Книдская». И как только они установили ее у себя на острове, а они построили для нее ротонду, специальную беседку, то, по воспоминаниям историков, на остров началось целое паломничество – только для того, чтобы посмотреть на эту красоту. Настолько эта скульптура сразу стала известной во всем Древнем Мире. Правитель соседнего острова просил уступить ему эту скульптуру, взамен обещая простить долг, который был перед ним у жителей острова Книд. Но они предпочли еще несколько лет платить дорогие налоги, но все-таки не расстались с этой скульптурой. Простота и ясность – те самые принципы греческой красоты здесь явлены в полной мере. Вроде бы ничего лишнего нет. Абсолютно спокойная скульптура, просто настоящая. Но настолько в ней все соразмерно, как в греческом храме – например, в Парфеноне – что это и есть идеал, эталон красоты.

На самом деле в жизни прототипом скульптуры Афродиты для Праксителя послужила гетера по имени Фрина. Она была известной фигурой в Афинах. Мы еще увидим ее в творчестве Генриха Семирадского гораздо позже. О ее красоте свидетельствует такой случай из ее жизни. Однажды Фрина предстала перед греческим судом за то, что неправильно высказывалась о правителях Афин. Афинский суд был, как вы помните, не похож на наш с вами. Афинский суд состоял примерно из ста судей. Если ты выступаешь сразу перед таким количеством людей, то тут бессмысленно взывать к логике, можно взывать только к жалости. Кстати, в афинском суде не было института адвокатуры или прокуратуры, человек должен был защищать себя сам. Поэтому в афинском суде люди, чтобы разжалобить судей, начинали показывать свои раны, полученные в боях за родину, приводили пожилых родителей или маленьких детей. То есть они рассчитывали только на милосердие.

Так вот, Фрина проигрывала такой суд, и уже все шло к тому, что ее приговорят к наказанию. И тогда ее друг, желая спасти ее, в последний момент срывает с нее одежды, и она предстает перед этим судом просто во всей своей красе. И как говорит нам историческая байка, она была прощена. Потому что судьи все были мужчины и, увидев ее красоту, они тут же были пленены и простили девушку.

Фрина и Пракситель – их связывают очень длительные отношения, и конечно, это была любовь. Здесь перед нами не просто земная женщина и не просто любовь Праксителя к земной женщине. Это любовь Праксителя к женщине вообще, как к воплощению мировой гармонии. И для него эта мировая гармония сосредоточена именно в образе Афродиты, поэтому она здесь так дистанцирована. Это скульптура удивительной высоты, удивительной поэтичности, удивительной музыкальности.

Давайте посмотрим на другие скульптуры Праксителя. «Гермес с Дионисом». Эта скульптура тоже очень задумчивая. Это очень характерно для Праксителя. Кроме Праксителя в эпоху поздней классики работают и другие скульпторы. Например, Леохар. Его знаменитая работа – «Аполлон Бельведерский». Статуя хранится сегодня в Ватикане, в Бельведере, отсюда такое прозвище. «Аполлон Бельведерский», с одной стороны, похож на античные скульптуры эпохи классики, с другой стороны, это все-таки другой тип скульптуры. Исчезают простота и ясность, появляются театральность и эффектность. И поэтому мы видим такой четко рассчитанный размеренный жест и эффектный плащ, который расположился на его руке. Посмотрите, какая сложная прическа у этого «Аполлона Бельведерского». Ведь все скульптуры Праксителя с короткой стрижкой, потому что это атлеты и воины. А здесь перед нами бог Аполлон, его прическа с бантом очень сложная, пафосная. Да он и не босой, он в сандалиях. В общем, все меняется. Меняется сам облик скульптур в сторону усложненности, декоративности, эффектности.

Одним из самых известных художников поздней классики был Скопас, и хотя он тоже был родом из Афин, но работал он не только в этом городе. Да и вообще, как только из Афин уходят финансы – а когда начинается война, то, естественно, наступает экономический кризис – тогда центры искусства перемещаются в другие города. Это города Малой Азии. Поэтому центрами искусства поздней классики становятся уже не Афины, а например город Галикарнас, город Пергам, остров Родос, и они же будут центрами эллинистического мира.

Кстати, кто такой эллин? Эллином мог быть человек любой национальности, который любил греческую культуру и знал греческий язык.

Так вот, Скопас работает в Галикарнасе, в основном по заказу Кария Мавсола, правителя этого города. Именно для Мавсола строится Галикарнасский мавзолей. Он не сохранился, хотя это тоже одно из семи чудес света Древнего мира. Сохранился только рельеф, который украшал этот мавзолей по всему периметру. Вот этот рельеф на тему амазономахии как раз сделан Скопасом. Мы видим, что скульптор все свое внимание сосредотачивает на контрастном движении. Это уже не ритмичное величавое движение Фидия на рельефах Парфенона, а очень активное контрастное движение воинов и амазонок. Оно отражает совсем другое время. У Скопаса сохранилось еще несколько скульптур, и в том числе вот эта «Менада» или «Вакханка». Хотя она сильно разрушена и повреждена, но это как раз подлинник. «Менада» – это служительница бога Вакха, поэтому она танцует вакхический танец. Вакх, как вы помните, это бог виноделия, он очень умный, а вакхический танец – это, конечно, танец в состоянии транса. У этой скульптуры сегодня отсутствуют руки, ноги и повреждено лицо. В общем-то, мы

видим только фрагмент торса. Но даже по этому фрагменту торса мы не можем не понять, какой красоты была эта скульптура, какой безудержный был этот танец и какая сильная эмоция здесь была выражена. Вакханка как бы отключена от всего внешнего мира, вся погружена в свой танец, подобный вихрю. Современники Скопаса сравнивали ее напряженное движение с изогнутым луком.

Скопасу еще принадлежит, например, «Голова раненого война» или, например, «Портрет Александра Македонского». «Голова раненого война» – это фрагмент большой скульптуры. Мы видим, как Скопас переходит к другой моделировке, когда он оставляет камень не отшлифованным, шершавым. Он понимает, что такая фактура камня придает образу трагичность, драматичность, и это совершенно новый формат, новый подход и новый прием.

Кроме Скопаса, Праксителя, Леохара еще один скульптор поздней классики – это Лисипп. Самая известная его скульптура называется «Апоксиомен». Все термины Древней Греции легко переводятся. Слово «апоксиомен» тоже переводится, оно означает «соскребающий». Спортсмен соскребает с себя остатки масла и пыли, которые всегда накапливаются на его теле. Дело в том, что на Олимпийских играх участники выступали в обнаженном виде.

Во-первых, спортсмены должны были выглядеть эффектно, ведь они были гармонично сложены. В Греции был настоящий культ тела.

Во-вторых, спортсмены перед выступлением всегда натирали себя оливковым маслом. Теперь представьте, какой они приобретали вид, пробежав какую-то дистанцию по пыли. Конечно, все это налипшее, весь этот слой нужно было снять. И поэтому спортсмену, прежде чем он шел на награждение, давали специальный скребок, он назывался стригиль. И вот мы как раз видим, что это атлет-победитель. Но не в момент триумфа, как «Дорифор» у Праксителя, а в момент бытовой, когда он не думает, что на него смотрят. Это такой момент зафиксированного естественного движения. И это тоже новый образ, которого не было в высокой классике, который появляется в эпоху поздней классики.

Примерно в начале 4 века нашей эры начинаются походы Александра Македонского. Это удивительная фигура для Древнего мира. Мы привыкли воспринимать его как такого завоевателя в ряду других завоевателей – Чингисхана или, например, Наполеона. Но на самом деле миссия и экспансия Александра Македонского была в большей степени культурной, чем политической. И конечно, Александр Македонский – это удивительная фигура. Не случайно сегодня про него снято много фильмов и написано много книг. Потому что это человек, который успел за свою короткую жизнь гораздо больше, чем очень многие успевают сделать за длинную. Александр Македонский, как известно, прожил всего 33 года. А начал он свои походы примерно в 20 лет. И за это время он успел собрать в империю буквально все известные тогда земли. Его армия дошла до реки Ганг. Только эту реку не захотели переходить его измученные в походах воины, думавшие, что они дошли до края земли.

Александр Македонский обладал такой харизмой, такой невероятной силой и энергией, которая увлекала людей за ним. Кроме этого что нам известно про Александра Македонского? Например, то, что он никогда не потерпел ни одного поражения и не уходил, пока не покорял город или страну, которая была перед ним. Речь, конечно, идет, скорее, о городах.

Александр Македонский с детства мечтал о мировой военной славе. и поэтому он страшно переживал, что его отец Филипп завоеует весь мир до него. Когда Филипп погиб, то в честь отца он построил большой храм в Македонии – Филиппион. А сам он начал заниматься вот этими походами. Александр был влюблен в греческую культуру. Он не был греком по происхождению, но он обожал греческий театр, он любил греческую литературу, греческое изобразительное искусство, скульптуры. И поэтому он окружал себя предметами греческой культуры, греческого искусства. И куда бы он ни переезжал, он всегда перемещался с этой греческой аурой. Таким образом, он познакомил мир с греческой культурой, и произошел такой синтез восточной, например, персидской традиции и греческой, египетской и греческой. Для Египта Александр Македонский был освободителем. Он спас Египет от персов. Поэтому они считали, что Александр Македонский – это Бог Солнца. И в честь него они построили Александрию и Александрийский маяк.

К сожалению, большая часть удивительных сооружений этого периода не сохранилась. Они остались только в легендах. Среди них очень масштабное произведение «Колосс Родосский»

– гигантская статуя бога Солнца Гелиоса на острове Родос, под которой, по преданиям, проплывали парусные корабли. Если вы сегодня приедете на остров Родос, то вам покажут, где она была. Александрийский маяк – инженерное сооружение удивительной сложности. Ведь это был живой огонь, который отражался в системе зеркал так далеко, что его было видно за 60 километров в море. По транспортерам уголь поднимался бесперебойно, круглосуточно к этой печке, к этому огню.

По большому счету искусство эпохи эллинизма начинается после распада империи Александра Македонского. То есть, когда умирает, погибает Александр Македонский, тогда поставленные им диадохи – наместники, конечно, разделяются.

Этот эллинистический мир очень непрочный, он очень разный. Но все-таки он весь построен на основе вот этой греческой культуры, греческого языка, греческого искусства. И поэтому он дает такие необычные результаты, необычные эксперименты. Эпоха эллинизма – это эпоха роскоши. И поэтому возникает такой новый вид искусства, совершенно незнакомый Греции, как камеи. Что такое камеи? Это такие небольшие каменные сувениры. Они вырезаны из камня, обычно драгоценного или полудрагоценного. В общем-то, они не имеют практического значения. Нельзя сказать, что это украшение. Можно, конечно, их носить. Но Камея Гонзага довольно большая, ее высота 10 сантиметров. Она не раскрашена, а вырезана из двухцветного сардоникса, темного и светлого. Мастер работал над ней 15 лет. Это очень характерно для эпохи эллинизма.

Вот перед нами еще одна из скульптур этого времени. Во-первых, нельзя сразу не заметить одну особенность. Если в эпоху классики в Древней Греции мы всегда знаем имя художника, потому что он любим и известен, то в эпоху эллинизма очень много анонимных скульптур. И даже если мы знаем имя автора, то кроме имени больше ничего. Потому что в эпоху эллинизма запоминается имя заказчика, а не художника.

Перед нами статуя диадоха. Если мы сравним ее с поликлетовским «Дорифором», то мы увидим, что она страшно непропорциональна. Слишком могучий торс, слишком широкие плечи для таких узковатых ног. Но это то, к чему приходят художники эпохи эллинизма. Индивидуальность важнее эталона. Индивидуальность интереснее идеала. В конце концов, мы все разные, и это как раз замечают художники эпохи эллинизма.

В эпоху эллинизма было создано три самых важных и больших шедевра. Первый из них – это «Ника Самофракийская». Сегодня эта скульптура находится в Лувре. Это первая скульптура, которая вас встречает в этом легендарном музее. Она довольно высокая – около четырех метров. Сегодня у нее отсутствуют руки, а когда-то они держали горн. Она звала всех, она воодушевляла на победу. Сейчас у нее поломаны крылья. Но, тем не менее, даже в этом состоянии скульптура обладает удивительной силой воздействия. Потому что это удивительно эмоциональная работа. Когда-то она стояла на берегу моря на острове Самофракия, поэтому она так и называется. И пьедесталом ей служил как раз нос корабля. Даже здесь и сейчас кажется, что ты чувствуешь брызги волн, которые попадают прямо на нее. В этой скульптуре удивительная выразительность пластики, сама запечатленная эмоция.

Второй значительный объект эпохи эллинизма – это алтарь Зевса в городе Пергам. Сегодня он, конечно, хранится не в городе Пергам, а в Берлине – в музее, под крышей, как и многие сооружения Древнего мира. Как, например, ворота богини Иштар, которые сегодня стоят не возле Вавилона, а тоже, кстати, в Берлине. Алтарь Зевса в Пергаме – это святилище, посвященное Зевсу, которое украшено удивительной красоты рельефом. Причем это не рельеф и не барельеф, это горельеф – то есть скульптуры выступают из стены на три четверти. Практически, это трехмерные скульптуры, которые едва прикасаются к стене. Алтарь Зевса сделан в городе Пергам, а это все-таки не совсем греческий город, это город Малой Азии. Поэтому мы видим здесь синтез азиатской, восточной и греческой архитектуры. У греков рельеф всегда располагался наверху. вспомните Парфенон, где рельеф всегда был под крышей. И он был не очень высокий. Например, рельефы Фидия метровой высоты. А здесь рельеф двухметровой высоты и прямо перед вашими глазами. Он не поднят наверх, он находится внизу. Цокольный этаж как раз образует этот рельеф, длина которого 102 метра.

Что изображает этот Пергамский рельеф? Он снова изображает махию, битву. Это гигантомахия, то есть битва олимпийских богов Зевса, Афины, Аполлона с гигантами, с титанами.

С теми, кто был до них. И это, конечно, такая картина мира, картина борьбы. Мир как борьба. И хотя все фигуры очень могучие, очень выразительные, но мы видим, как эти титаны всю свою силу проигрывают, они наполнены такой эмоцией безнадежности. Это тоже настроение той эпохи, того времени. Вот один из самых известных фрагментов этого пергамского алтаря – это Афина, которая за волосы держит могучего титана. Композиция удивительной красоты, когда невозможно остановить глаз на какой-то одной фигуре, когда все перемешано, когда одно движение продолжается другим движением.

Наконец, самое грандиозное, самое значительное, самое программное произведение эпохи эллинизма – это вот эта скульптура «Лаокоон». У нее есть автор Агесандр. Правда, мы почти ничего не знаем про этого автора. Давайте сосредоточимся на самой скульптуре, потому что ей посвящен целый текст Лессинга. Лессинг, когда он пишет о природе искусства, как раз начинает с Лаокоона. Его текст так и называется – «Лаокоон или о природе искусства». Это театроведческий текст 17 века, но начинается он почему-то с античной скульптуры. Это совершенно не случайно. Потому что когда мы смотрим на «Лаокоона», мы понимаем, что искусство иногда бывает сильнее реальности. А может быть, искусство всегда обыгрывает реальность.

Что изображено перед нами? Перед нами изображен Лаокоон, троянский жрец – предсказатель, и его сыновья. Как вы помните, Троя пала из-за предательства. Троянская война длилась 20 лет. И, в конце концов, было ясно, что силы равны. И поэтому, чтобы победить, греки пошли на хитрость. По совету Одиссея, они сообщили троянцам, что они устали воевать, хотят примирения и поэтому в знак этого примирения дарят врагам деревянную скульптуру троянского коня.

Греки сели на корабли и отплыли от берега. И только два человека в Трое в это время понимали, что нельзя слушать греков. Это вещая Кассандра и Лаокоон. Они говорили: «Бойтесь ахейцев, дары приносящих». То есть не надо запускать врага в город. Но никто их не послушал, потому что нельзя нарушить волю богов. И вообще, рок греческий никак нельзя изменить. Поэтому все случилось в эту ночь. Коня занесли в город, а ночью из него вышли греки, открыли ворота и спокойно и легко покорили Трою. А вот жреца Лаокоона боги наказали еще до захода солнца. Когда он прогуливался по берегу моря со своими сыновьями, на него из моря выплыли две змеи, которые задушили его, а вместе с ним и его сыновей. Сыновья здесь не похожи на детей, потому что греки этого времени еще не умеют изображать детские пропорции. Но вот сама фигура Лаокоона потрясающе эмоциональна. Мы видим сильного могучего человека. Мы видим момент напряжения всех его душевных и физических сил. Мы видим при этом лицо этого человека. И это лицо уже проигравшего человека. Несмотря на все его усилия, все безнадежно, ничего невозможно поменять. И в этой скульптуре «Лаокоон» как раз запечатлено время эпохи эллинизма. Время конца, распада античной греческой культуры.